

Значение Сергия Радонежского как религиозного и общественного деятеля

М.С. Курбатова

Автор: Курбатова Маргарита Сергеевна, учитель русского языка и литературы средней школы № 22 г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 8.

Тема: Древнерусская литература. Житие как жанр.

Профиль: Гуманитарный.

Уровень: Минимальный.

Текст задачи: Выдающийся русский историк Василий Осипович Ключевский писал о Сергии Радонежском: «Примером своей жизни, высотой своего духа преподобный Сергий поднял упавший дух своего народа, пробудил в нём доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в своё будущее».

Проанализировав факты биографии Сергия Радонежского, докажите или опровергните эту точку зрения.

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом.

Возможные информационные источники

Книги:

Аверьянов К.А. Сергий Радонежский. Личность и эпоха. М.: Просвещение, 2006.

Ермаков А. Живой свет. Преподобный Сергий Радонежский и его значение для русской культуры и просвещения // Ионинский листок. 2005. № 31 (306).

Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства // Христианское чтение. 1992. № 7.

Федотов Г.П. Преподобный Сергий Радонежский. В кн.: Святые древней Руси. М., 1991.

Эйнгорн В.О. О значении преподобного Сергия Радонежского и основанной им обители в русской истории. М.: Просвещение, 1899.

Сокрытое чудо // Наука и религия. 1998. № 6.

Житие и чудеса преподобного Сергия Радонежского. М.: ТСЛ, 2007.

Web-сайты:

<http://dubus.by/modules>

<http://www.krotov.info/history>

<http://православие.ru>

<http://lectures.edu.ru>

<http://www.nsad.ru/>

<http://ru.wikipedia.org>

<http://drevo.pravbeseda.ru>

<http://qwercus.narod.ru>
<http://www.trizway.com>
<http://www.literaturovedu.ru>
<http://www.stsl.ru>
<http://www.hrono.ru>
<http://kvakushka.com/44/9272/1.htm>
<http://newciv.relarn.ru>

Культурный образец

Ермаков А. Живой Свет. Преподобный Сергей Радонежский и его значение для русской культуры и просвещения // Ионинский листок. 2005. № 31 (306).

Имя преподобного Сергия Радонежского напоминает, до какой высоты способна подняться наша земля, просвещённая Словом Христа. Человек, не оставивший после себя ни одной книги, ни одного дошедшего хотя бы через вторые руки поучения или завета, стоит у начала всей русской культуры Московского периода, открывает дверь, ведущую из глухой подмосковной тайги прямо в глубину Божьей премудрости, во все тайны человека и мира. И деятельность его тем более видится нам чудесной, потому что мы не можем разделить в ней плодов небесной помощи и его собственных трудов. Сергей всю жизнь старался уйти от мира, не принимать на себя решения судеб окружающих его людей, не вмешиваться самочинно в происходящие вокруг события. Однако все бытовые и исторические подробности эпохи так тесно сплетены в его житии, что кажется, нет такой стороны жизни второй половины XIV века, которую бы он не осветил, где бы не осталось следов его бережного благослове-

ния. Если же вспомнить, каково было это время, то выяснится, что преподобный Сергей стоит не только в начале русского Просвещения, но и знаменует собой русское Возрождение в самом высоком его смысле.

При беспристрастной оценке исторических событий порой открываются неожиданные вещи. Сопоставляя русское и европейское средневековье, видишь, что возрождение культуры в России началось едва ли не раньше, чем в Европе. И что уж совсем удивительно, это возрождение имело христианский характер. Русь, придавленная татарщиной на протяжении более двухсот лет, не могла сохранить свои традиции, своё культурное поле без веры, без опоры на Церковь. Без веры вообще ничего невозможно создать. Леонардо, Микеланджело, Лютер, Маккиавелли — все эти «титаны» европейского Возрождения были глубоко верующими людьми. Они верили в могущество и силу человеческого разума, в истинность его эстетического чувства, в способность человека создавать прекрасное, в его право творить и изменять мир. Европейское возрождение ещё очень далеко от богооставленности и богоотвержения. Оно только готовится снять с Творца ответственность за судьбы мира и передать её людям. Но герои, готовые принять эту ответственность, в Европе уже выросли. Счастье, что в России ещё долго не находилось подобных людей.

Русская действительность с 1237 года не располагала к парению души. Ценность отдельной человеческой личности в условиях ига была предельно низкой. Рассуждения о способности этой личности повлиять на

историю, изменить её ход, наверное, вызывали горькую усмешку. Ни последний холоп, ни великий князь не могли надеяться устроить по собственной воле даже свою судьбу. Благополучие и жизнь любого человека на Руси зависели от исхода соперничества за ханский престол, благосклонности или самодурства ордынских наместников, колебаний цен на мировом рынке работорговли, падежа скота или неожиданной засухи в Великой степи. Одна Церковь могла свободно не признавать над собой власти Орды. Не вмешиваясь напрямую в политический процесс, она помогала людям сохранить веру в свои силы. Перед лицом хана падали ниц даже князья, но перед Богом каждый человек был свободен. Ребяческий атеизм и человекопоклонство не потому худо прививались на Руси, что она была отсталой, но потому, что отказ терпеливо нести свой крест означал поистине рабскую зависимость от кочевничьей нагайки. Преодоление ига не было возможным для человека делом. Но упование на Бога давало не только надежду на загробное спасение, но и твёрдый фундамент для земного государственного и хозяйственного строительства. Потому что всякий желающий спастись в будущей жизни должен был «поработать Богу» и «до конца претерпеть» все тяготы в настоящей. Плодом такой работы и такого терпения и была вся жизнь преподобного Сергия.

Житие его, удивительно мягко и живо написанное Епифанием Премудрым, даёт нам ключи к разгадке множества тайн русской культуры и русской интеллигенции. С самого начала своей жизни, ещё даже до

земного рождения, Сергей (до монашества Варфоломей) отмечен небесными знаменами. Он трижды кричит во время литургии, находясь в чреве матери, отказывается брать грудь матери в постные дни, не принимает молока от кормилицы. Родители его ясно осознают, что в их семье происходит явление святого. Однако же им не приходит в голову каким-то образом возвысить своего ребёнка, отделить его от других на основании проявившихся в нём талантов. Культ «вундеркинда» до сих пор с трудом прививается в русской традиции воспитания. Знаменья, таланты и сама святость даются человеку от Бога, и потому родители, а вслед за ними и повествователь, прежде всего прославляют Создателя, а потом уже любят творением. Варфоломея в детстве оберегают, но не более, чем следует лелеять каждого ребёнка. Его не освобождают ни от домашнего труда, ни от повседневных обязанностей, ни от школьного обучения.

Наблюдая за этим обучением, мы видим ещё одну знаменательную подробность. Любой человек, даже святой, не представляет собой идеала земного «совершенства». Столь важная для любого подвижника вещь, как грамота, даётся ему хуже, чем братьям. И все окружающие мягко, но настойчиво требуют от него усилий и старания в учёбе. Преподобный как будто не оправдывает их ожиданий. В житии прямо говорится, что Варфоломей учился читать «не прилежно» и «не слушал учителя». Такое отношение к учёбе не одобряется, но искупается тайной молитвенной просьбой мальчика к Богу. Чудесное исполнение этой просьбы не должно наводить нас на мысль о пренебре-

жени к труду (им наполнена вся жизнь преподобного), здесь скорее нужно видеть проявление равной милости Бога ко всякому просящему. Школьный период жизни преподобного более всякого другого развешивает мысль о каком-либо превосходстве святого над прочими людьми. Для русского просвещения, для русской культуры чужда мысль о заранее избранной «духовной элите», предназначенной для власти или руководства «невеждами». Сергей сам был подобным невеждой, а получив доступ к премудрости, никогда не забывал, кому она принадлежит.

Не забывал он и послушания, первой добродетели всякого свободного от своеволия христианина. Имея перед собой уже ясно видимую жизненную цель — монашество, он тем не менее смиряет себя ради отца и матери, оставшись ухаживать за ними. Все, кто привык говорить о том, что монашество учит человека презирать семью, найдут в этой главе жития пример того, как первое исходит из второго. Здесь пример преподобного побуждает нас не пренебрегать сегодняшними обязанностями, как бы важны и велики ни были наши планы. Человек, по-настоящему верующий, никогда «не пройдёт по людям» ради исполнения своего самого «высокого» желания, но, напротив, охотно «наступит на горло» себе, когда увидит нужду ближнего. Сергей, вся жизнь которого была великой жертвой Богу, начал свой подвиг с малой жертвы своим родителям, и, что особенно важно, сделал это с радостью.

С радостью же он приступает и к осуществлению дела своей жизни — постижению Троицы. Поражает фило-

софский размах этого труда. Догмат о святой Троице — труднейший для понимания в христианстве. Он не был полностью раскрыт для простонародья не только в Киевской Руси и в Европе, но и в самой Византии. Именно на почве учения о Троице в христианстве возникали самые серьёзные расколы и ереси. Высота тайны триединого существования Божества, казалось, должна была испугать человека, с таким трудом научившегося читать. Однако Сергей берётся за проникновение в неё так же решительно, как уходит из мира. Заметим, свой храм в лесу он строит и освящает вместе с братом ещё до пострижения в монахи. Идея строительства и самая тяжёлая часть труда принадлежит ему, однако он отказывается от дерзости самовольного поиска истины и ждёт, пока старший брат не решит, кому будет посвящён храм. В этот момент решалась судьба русской церкви, да и всей русской культуры. Попробуйте представить её себе без Лавры, без Андрея Рублёва, без целого двенадцатого праздника, Троицы. И такое решение передано Сергием в чужие руки, причём у него уже был ответ на свой вопрос. Тут имеет значение не только смирение перед старшим, но и внутренняя честность, присущая всякому исследователю. Каждый, кто приступает к изучению и познанию Бога, человека или мира, не смеет настаивать на своей догадке, прежде чем получит её подтверждения извне. Жаждающий открыть нечто миру, пусть выслушает сперва, что говорит ему мир. «Большой из вас да будет вам слуга».

Это уже другая страница жизни преподобного. Пройдя через тяжёлый период одинокого подвижничес-

тва, Сергей оказывается перед необходимостью устройства общежительного монастыря. Его более всего тяготит необходимость начальствовать над братией, распорядиться по хозяйству, руководить их духовным деланием. Традиции старчества были в ту пору почти утрачены на Руси. Игуменство открывало перед Сергием искушение занимать подчинённых тем трудом, которого он не сносил сам. И потому он не мог исполнить игуменского служения, не увеличив своей повседневной работы. Епифаний пишет, что преподобный «без лености братии, как купленный раб, служил: и дрова для всех колот, и толок зерно, и жерновами молот, и хлеб пек, и еду варил (...); обувь и одежду он кроил и шил; и из источника воду в двух вёдрах черпал и на своих плечах в гору носил и каждодневно у кельи ставил». Особенно примечателен рассказ о том, как Сергей выстроил одному из пожилых братьев крыльцо, взяв за целодневную работу решето гнилого хлеба. Кому-то это может показаться юродством, но если вспомнить что в обители тогда был голод, и монахи роптали на игумена, требуя от него разрешения собирать милостыню, такой поступок становится понятным. Только своим личным примером учитель мог убедить учеников в том, что хлеб нужно добывать трудом собственных рук. Это правило остаётся верным и для нынешнего времени.

Рассказ о голоде напоминает нам ещё об одной черте характера святого — о его терпении. При том гармоничном сочетании труда и молитвы, которое было присуще Сергию, он ничуть не тяготится бедами и скорбями, посещающими

монастырь. Не спешит скорее разрешить их, хотя сознаёт, что имеет для этого возможности. Он доверяет Богу до самого конца и тогда, когда не прозревает явного смысла событий. В результате хлеб в обитель привозят ангелы, а родник пробивается на самой вершине холма. Возвратившийся в монастырь старший брат пытается затеять в церкви спор о первенстве. Преподобный уходит от этого спора. Уходит в буквальном смысле слова, не пытаясь ответить, не требуя заступничества митрополита или князя, даже не прося Бога восстановить справедливость. Прожив год на реке Киржач и основав новый монастырь, он также легко возвращается. Его настолько трудно смутить, что когда крестьянин, пришедший издали посмотреть на прославленного игумена, отказывается узнать Сергея в оборванном старике, копающем грядки, преподобный только ласково отвечает: «Не печалься! (...) Что ищешь и чего желаешь, тотчас даст тебе Бог».

Монашество пренебрегает миром, но не людьми в нём. Преподобный бежит от человеческой славы, но приветлив к людям и скор на помощь. Для него равны и несчастный отец, принёсший умершего сына, и великий князь Дмитрий, идущий на битву с Мамаем. В связи с Куликовской битвой политическая роль Сергия проступает очень отчетливо. Его благословение русского войска на брань придаёт сражению духовный характер. Все воины становятся не только защитниками русской земли, но и мучениками за веру. Даже иноки берут в руки оружие. Сергей принимает всю ответственность за исход сражения, решительно связы-

вая судьбу русской церкви с удачей княжеского похода. О победе открыто служится многочасовой молебен. Но вот победа одержана, и князь с митрополитом Алексием просят святого принять сан епископа, а потом и митрополита. И преподобный также решительно отказывается, обещая в случае повторения просьбы уйти в леса, «туда, где его никто не сыщет». Одно дело — стоять за правду, другое — принимать почести.

Нельзя не сказать и о рукотворном наследстве Сергия. Кольцо монастырей, опоясавших Москву и осветивших дикие северные дебри, отковано в Лавре. История каждого из них — это история его основателя, часто ученика преподобного или же послушника его учеников. Через столетие после смерти святого мы уже видим поразительное разнообразие типов подвижничества от Иосифа Волоцкого и Пафнутия Боровского до Нила Сорского и Кирилла Белозерского. К этому многоцветью Сергий тоже приложил свою руку. Возможность различных духовных путей к единой цели доказывает, что он основал в Лавре не партию, не орден, а братство хрис-

тиан, главная задача которых подчиняться не людям и уставам, написанным людьми, но самому Богу. И как братья они не похожи друг на друга, но все чем-то неуловимо напоминают отца. Сергий почти на 400 лет определил общий тип русской святости, а когда время совсем уже изменилось, его достойным наследником явился преподобный Серафим Саровский.

Подводя итоги и пытаюсь определить место преподобного Сергия Радонежского в истории русской культуры и просвещения, хочется ещё раз напомнить, что мы имеем дело не с учёным, а с мудрым человеком. А значит, это скорее не авторитет, а пример. Пример не только для подражания, но и для измерения. Учивший всю свою жизнь умеренности во всяком деле духовном и земном, преподобный сам стал мерой нашей культуры. Его житие позволяет проверить соответствие сегодняшних науки, искусства и школы их небесным образцам. Результаты наших измерений, возможно, будут неутешительны, но отчаиваться, наверно, не стоит. Ведь и такая мера даётся не каждому народу.